

БЕТТИ КОРРЕЛЛО

НЕСУТОЧНАЯ
любовь

МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К68

Betty Corrello
SUMMERTIME PUNCHLINE

Copyright © 2024 by Betty Corrello
All rights reserved
This edition published by arrangement
with Taryn Fagerness Agency and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Татьяны Чамата*

Иллюстрация на обложке *Полины Мерунки*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© Deemka Studio / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Коррелло, Бетти.

К68 Нешуточная любовь / Бетти Коррелло ; [перевод с английского Т. Чамата]. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-216182-7

Что делать, если твоя жизнь — готовый стендап, но совсем не смешной?

Дельфина сбежала из Эвергрин в восемнадцать. Став комиком, она получает приглашение на крупнейший фестиваль стендапа, но в один день теряет буквально все: парня, работу и квартиру. Ей приходится вернуться в свой родной городок у океана, где ее ждут призраки детства и Эдди Родригес, который смотрит на нее совсем не так, как десять лет назад.

Теперь у Дель всего 45 дней до выступления на фестивале. И ни одной шутки. Зато есть шанс написать не только новый текст, но и собственную историю.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-216182-7

© Чамата Т., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Всем скитальцам, нашедшим эту книгу.
Надеюсь, она скрасит ваш путь домой.*

Ты была так прекрасна, я был таким странным.
Ты стала прекрасней, я — лишь странней.

Мэтт ДэКаро — Hot One Weird One

1

Куинс, Нью-Йорк

Худший день в моей жизни начался довольно обычно: Мисти — соседка, с которой я снимала квартиру, — распахнула дверь моей спальни и раскидала километровые конечности по тесной комнатухе, где я жила.

— Ой, ну и запах тут у тебя!

Кое-как продрав заспанные глаза, я поморгала и убрала с лица короткую растрепанную челку.

— Чего тебе?

— Крутая футболка, — сообщила Мисти с натянутой сдержанностью серийного убийцы. Вчера я отрубилась прямо в рабочей форме — футболке с логотипом ирландского паба и комедийного клуба «Гимбли» и черных леггинсах. Как пришла, так и повалилась на чистое белье, которое не меняла с выборов в двадцатом году. Сначала две смены в зале, потом четыре часа «открытого микрофона», который пришлось вести, — в общем, двенадцать часов на ногах давали о себе знать. Даже бедра болели.

— Чего надо? — простонала я, переворачиваясь на спину и нашаривая телефон. Ингрэм наверняка меня

потерял. Мы встречались три месяца, и я до сих пор не привыкла к постоянному собеседнику, которому нравится со мной общаться.

— Во-первых, через два часа приедут фотографировать гостиную, так что исчезни, пожалуйста. Во-вторых, ты вчера оставила кружку в раковине, и все бы ничего, но мы вроде это уже обсуждали? А, и почту принесли. — Она бросила письма на заваленную тумбочку, крутанулась на цыпочках и потанцевала к двери. Пусть на жизнь она зарабатывала мелким бложиком, где рассказывала о дизайне интерьеров, сердце ее принадлежало балету.

— Спасибо, — сказала я, а потом все-таки приняла вертикальное положение и взглянула на время. Десять утра. Пять часов проспала. Неплохо.

Я взглянула на себя в зеркало, стоящее напротив кровати, и зарылась пальцами в волосы, придавая растрепанному каре до подбородка чуть более нарочито небрежный вид. Потом стерла тушь, засохшую под глазами, и разгладила щеки, убирая следы от подушки. Послушать Мисти, так я была какой-то горгульей, охраняющей кучудохлых голубей посреди Таймс-сквер. Но я была вполне обычной женщиной, относительно привлекательной, с обычным телом — как там подростки говорят: средних габаритов, как хороший такой хетчбэк? Мисти же была жилистой блондинкой с рыжим искусственным загаром, собирающей блестящие волосы в низкий пучок. Она жила под гнетом вечно меняющихся трендов и доводила себя до изнеможения попытками угнаться за рынком, который то ли хотел довести ее до нервного срыва, то ли, не знаю, до смерти.

Неудивительно, что она меня ненавидела — сама ведь из шкуры вон лезла.

Зевнув своему отражению, я выбралась из кровати и отправилась искать чистую майку и любимые летние брюки, уже составляя мысленный список дел.

Нужно было смотаться в Адскую кухню¹, но сначала заехать на почту и отправить Сэм, лучшей подруге, подарок на день рождения. Потом заглянуть к Сайрусу и распечатать с его ноутбука приглашение на стендап-фестиваль «Брэйнвейв».

«*Брэйнвейв*»! Мысль всплыла, пока я завязывала шнурки, и я замерла, переваривая ее. *Я ехала на «Брэйнвейв»*. В голове не укладывалось. Тысячи комиков подавали туда заявки, а взяли меня.

Меня, Дель Сильву-Миллер, позвали участвовать в таком фесте! «Брэйнвейв» проходил в Ванкувере раз в год, и неоднократно там начинали — и заканчивали — свои карьеры профессиональные комики. Отчасти поэтому я вчера осталась вести открытый микрофон. Это был мой прощальный подарок «Гимбли», мой бон вояж. Четыре года работы — и я официально уволилась. Знаю, пошла на риск, но до фестиваля оставалось всего сорок пять дней, а материал нужно было успеть отработать.

Решение уйти из «Гимбли» далось мне нелегко. Увольнение стало печальным, но вместе с тем радостным финалом ситкома, полного начинающих комиков и прожженных работников кухни, закатывающих на нас глаза. Я работала там с двумя лучшими друзьями, Сайрусом и Такером, и, несмотря на говенное начальство, пропахшую плесенью кухню и кучу блевотины, которую приходилось убирать, атмосфера в «Гимбли» царила незабываемая.

---

¹ Адская кухня (Hell's Kitchen) — район Манхэттена в Нью-Йорке.

Но мне нужно было довести программу до идеала. У меня появился последний шанс воплотить в жизнь мечту, пересадить ее в новый горшочек, как цветок из продуктового, и дожидаться цветения. С двадцати лет я стремилась к этой жизни, и наконец-то у меня появился счастливый билет.

Я оглядела свою захламленную комнатуху в поисках сумки и ключей. Нельзя сказать, что я сильно старалась украсить пространство, в котором живу, но безделушки накопились сами собой: над кроватью висела драпировка с солнечными лучами, книжный шкаф обвивали гирлянды, плачущий керамический клоун по имени Бастер навеки застыл в бодром прыжке, сжимая в руках пучок разноцветных шаров. Те включались, отбрасывая радужные красно-сине-желтые блики на потолок моей спальни, но его это нисколько не радовало. Скорее наоборот — и шарики, и огромные красные ботинки, и веселый колпак на голове были для него тяжким бременем, даже проклятием.

У нас с Бастером было много общего.

Выхватив ключи из-под Бастера, я перекинула сумку через плечо, готовая покорять удушающую влажную жару августовского Нью-Йорка.

С этими мыслями я и нырнула в кристально чистое озеро моего будущего. Тогда я еще не знала, что кое-кто умудрился его осушить.

С Ингрэмом мы познакомились на открытом микрофоне в «Гимбли». Обычно официанты терпеть не могли работать под несмешную болтовню комиков, но я ждала этих смен всю неделю. Столько нервничающих новичков с потными ладонями — и все только и думали, как бы поскорее и по сильнее напиться.

Ингрэм сидел в первом ряду за маленьким столиком с красной свечкой по центру, скрестив ноги и подперев голову рукой. Он не сводил с меня глаз все выступление. Как будто хотел рассмеяться, но сдерживался. Я бы не заметила, если бы не его глаза — ярко-зеленые, почти что кошачьи. В ослепляющем свете софитов они поблескивали заговорщической нежностью, будто у нас уже появился общий секрет.

После выступления, открывая новую упаковку пива для пивной башни, я подняла голову — и увидела его за баром. Он сидел, все так же подперев рукой голову, с такими же мерцающими глазами.

— А ты забавная, — сказал он абсолютно спокойно, и его губ коснулась озорная усмешка.

Я выгнула бровь.

— Ого, вот спасибо.

— Я серьезно. — На голове у него была нахлобучена до смешного нелепая рыжая шапочка. И все равно он притягивал.

Я закрыла диспенсер и наклонилась к нему, опираясь локтями на барную стойку.

— Чего желаешь? «Дайкири»? Хот-дог? Особое предложение — два по цене одного. Хочешь узнать почему?

Усмешка на его губах расцвела, и он постучал о барную стойку серебряным перстнем, надетым на большой палец.

— Не хочешь поужинать вместе?

За спиной раздался хрип Сайруса, будто в рот ему залетела муха.

И я согласилась на ужин.

Мы с Ингрэмом оказались выходцами из разных миров. Его отцу принадлежала крупнейшая в Канаде фир-

ма, предоставляющая кабельное телевидение, а мама была французской моделью. Он вырос между Швейцарией и Альбертой и частенько рассказывал о себе факты, которые не укладывались в голове. Рождественские поездки на лыжные курорты, конная ферма в Арубe, дальний родственник по имени Тьерри. Его привлекал мой джерсийский акцент и восхищали мои огромные сиськи. Свадьбы я от него не ждала. Я в целом не рвалась вступать в отношения.

Я думала, что все понимала.

Думала, что между нами все очевидно.

Но когда я вышла из метро на Сорок девятой, слушая в наушниках любимую песню, оказалось, что не думала я совсем.

Я могла бы предупредить его, позвонить или написать, что зайду, но по дороге к Сайрису вспомнила, что забыла у Ингрэма очень важные тапочки. Его квартира была по пути — почему бы не заглянуть? Мы же встретились.

Я вставила ключ — тот самый, который он дал мне, — в замочную скважину и повернула. Дверь, щелкнув, открылась.

Ингрэм был дома. В своей рыжей шапочке. У Мисти между ног.

Долгие годы в моей жизни была всего одна цель: *никогда и ни за что* не возвращаться в Эвергрин, штат Нью-Джерси.

Но когда я набросилась на Ингрэма с Мисти, которых застала за оральным сексом в позе, слишком сложной для моего простого ума, время замедлилось. Все вокруг двигались со скоростью звука: Мисти метнулась за

вязанным топом, Ингрэм резко обернулся, чуть не потеряв шапочку, со второго этажа отчаянно заорал его кот Чеддер. Глянцевые белые стены квартиры сжимались, и мой разум застыл, как поверхность замерзшего озера. Мысли, кружась в сыром воздухе, опускались на него тающими снежинками.

«Мисти». Кап.

«Ингрэм и Мисти». Кап.

«Я уволилась». Кап.

«Придется съезжать». Кап.

«А жить-то мне теперь где?» Кап.

«Господи». Кап.

«Придется ехать домой».

Кап.

Пока я моталась из Адской кухни в Куинс и обратно, духота достигла своего предела, и свинцовое небо разверзлось, обрушившись летним ливнем. Выйдя из метро в ночь, я мгновенно промокла и провоняла горячим асфальтом.

В голову пришла шутка, что Аланис Мориссетт из меня выходит лучше, чем из самой Аланис¹. Хотелось достать блокнот и записать ее, превратить реальность моей жизни в сардоническую безболезненную историю. Но голова раскалывалась, а горло саднило от криков на Ингрэма. Я плакала навзрыд, задыхаясь как ребенок, набегавшийся в парке развлечений.

Спрятавшись под козырьком подъезда Сайруса, я ткнула в звонок и не отпускала, пока не побелел мо-

---

¹ Аланис Мориссетт — известная канадская певица, чья музыка часто затрагивает темы личных переживаний и эмоций.